

ВСТРЕЧИ С ЖАРОВЫМ

КТО ИЗ НАС не знал прекрасного актера театра и кино народного артиста СССР Михаила Ивановича Жарова? Мне не раз доводилось видеть его близко, бывать дома. Ну и темпы же были у него, ну и жизни!

Ну вот, например, один из его дней. Утром Михаил Иванович был в Ленинграде, в полдень его еле-еле удалось перехватить в московской квартире на Котельнической набережной, вечером он собрался улететь в Будапешт.

— И так всю жизнь, — ворчал он добродушно, упаковывая чемодан. — Ну если не всю, то по меньшей мере шестьдесят из семидесяти пяти. А завтра... Вы понимаете, завтра у меня день рождения, вот какая штука.

— Будете отмечать в Венгрии?

— Так точно! — ответил Жаров на манер «деревенского детектива» дяди Анискина. — А знаете, как я устроился на эту «детективную» роль? — спросил он, спустя мгновение. — Э-э-э, это целая история.

Пришла как-то к Михаилу Ивановичу девушка — корреспондентка «Литературной газеты» и поинтересовалась, кого бы он хотел сыграть в кино.

— Кого? А вот... Читаю я сейчас в журнале «Знамя» повесть Вилля Липатова «Деревенский детектив». Очень хотел бы сыграть Анискина, деревенского детектива. Честное слово, я не шучу.

Корреспондент ушла, а через неделю...

— Едва материал вышел в «Литературе», как вечером того же дня позвонили товарищи из «Мосфильма» и предложили мне роль... Анискина. Вот как иногда газета устраивает актерам на «работу».

Приехал из Венгрии, снова вспомнили мы Анискина, и Жаров расплылся в довольной улыбке:

— А что? Экранизация — это дело особенное, тут пи-

сатель влияет на экран, как знак умножения на две стоящие порознь цифры. Талантливый автор так опишет состояние своего героя, что вся жизнь того уже видится кадрами. Да или нет? Да. Например, Виль Липатов. Как точно изваял он своего Анискина... Как у него написано? Э-э-э... Вот, вспомнил.

Жаров засмеялся, походил по комнате, посмотрел на книжный шкаф. Шкаф у него огромный, во всю стену. Когда-то, еще босоногим мальцом, Жаров работал в книжной лавке, торговал брошюрами, а заодно, прямо за лотком, и прочитывал их. Работа в книжной лавке и была его первой гимназией.

— Что такое талант? — вдруг спросил он. — Талант — это мера возможности, отпущенная человеку, что ли... И что же, сия мера — эталон? Начало, которое нельзя трогать, на которое надо молиться, бояться к нему даже прикоснуться? А? Нет. Есть народное выражение «зарыть талант» — значит, погубить... Талант свой можно погубить, если не будешь над ним работать, не будешь укреплять его каждодневной шажстикой — он действует только тогда, когда обрывает плотью образов, которые и вырабатывает эта самая шажстика. Кроме всего, талант обязательно должен быть партийным. Понятие «партийность» обязательно входит в категорию творческого процесса. Художник все должен замечать, видеть, фиксировать в памяти все события, которым он стал свидетелем.

Совсем недавно получил я в подарок небольшую книгу. Ее автор — Ирина Триус, человек исключительного мужества, инженер-железнодорожник по профессии. Оно двадцати

лет Ирина Триус была прикована к постели. Подчеркиваю — была. В послевостанитские годы, едва начался работать, она тяжело заболела, но чтобы быть полезной хоть чем-то, начала изучать языки — немецкий, английский, чешский, польский, болгарский, поступила на работу в отдел технической информации Министерства путей сообщения, а потом занялась и литературой. Первая ее книжка «Жить стоит», небольшая по объему — это рассказ о том, как люди поднимаются над своей судьбой, покоряют ее, обретают в этом покорении счастье — да-да, именно счастье. Вот-с. Когда же книжка была издана, Ирина еще не могла ходить. А в письме, присланном мне через год, она писала... Вот что она писала...

Жаров взял со стола листок, он лежал на виду, поверх всех других бумаг, прочитал:

— «И вот в моей жизни случилось чудо — спустя двадцать лет я поднялась на ноги и сейчас гуляю по улице по целому часу. Какое это счастье — ощущать под ногами землю! Быть может, случится в моей жизни еще одно чудо — спустя двадцать лет я войду в театр (сидеть не смогу, надо в ложу, чтобы прилечь), почувствую его атмосферу — атмосферу большого искусства. И очень рассчитываю на вашу помощь...»

Он положил листок на стол, потер рукой лицо.

— Театр я ей обязательно покажу, обязательно в ложу устрою, это не проблема. Вот тут таких людей, наших соратников, людей большого подвига, мы, работники искусства, и должны жить, должны трудиться. И мне, например, будет очень стыдно перед Ириной Триус — нашим зрителем, если я и мои товарищи по Малому театру вдруг покажем ей что-либо мелкотемное, нетипичное для нашего времени, недостойное человека поэтичного, жизнелюбивого. Больно от этого станет, ой-ой как больно. Но буду я горд, по настоящему, без скидок горд, если искусство поможет мужественному человеку Ирине Триус облегчить ее страдания. Меня могут упрекнуть — говорить, мол, товарищ Жаров, слишком возвышенно. А разве можно говорить об искусстве, о художниках другими словами. а?

Валерий ПОВОЛЯЕВ.